

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВСКИЙ*
ВОКРУГ МАСЛЯНОЙ ЛАМПЫ.
ОТВЕТ НА РЕПЛИКИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-330-336.

Прежде всего я хочу поблагодарить всех участников этой дискуссии, которые не только внимательно прочли мою статью, но и откликнулись на нее своими комментариями, предложив нестандартные для литературы о Хайдеггере возможности продолжения мысли об истине как непотаенности в контексте современных эпистемологических и онтологических проблем. Репетиция этой *Aus-einander-setzung* (ср. комментарий А. В. Ахутина) состоялась еще 18 ноября 2020 года. Тогда, в ситуации вынужденного академического уединения, обусловленного пандемией коронавируса, состоялось первое заседание Научного семинара Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ под руководством В. Н. Поруса и А. А. Глухова. На этой встрече, посвященной обсуждению моей интерпретации первого тома «Черных тетрадей» М. Хайдеггера (см. Михайловский, 2018), в качестве оппонентов любезно согласились выступить А. В. Ахутин и А. Ю. Антоновский¹. Тонко почувствовав полемический потенциал, А. Ю. Антоновский сразу предложил перевести проблематику на язык «естественной человекоразмерной онтологии». Так возник вызов для автора — представить новый текст, в котором давалась бы экспликация хайдеггеровской концепции истины в свете вопроса о том, что она дает для лучшего понимания познания, политики и образования.

Задача оказалась действительно нетривиальной, поскольку эпистемология и теория познания обычно не учитывают эту концепцию в известном ряду теорий истины — корреспондентной, когерентной, конвенциональной, прагматической, — в то время как философская герменевтика

*Михайловский Александр Владиславович, к. филос. н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), amichailowski@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9687-114X.

**© Михайловский, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Запись семинара на платформе Zoom можно посмотреть на ютуб-канале Школы философии и культурологии: <https://www.youtube.com/watch?v=rLBC3DShkZg&t=4040s>.

еще в середине XX века смогла выявить ее потенциал для социальных и гуманитарных наук, где стандартные процедуры верификации скорее осложнены. Хайдеггеровская концепция истины — классическая, неклассическая или постнеклассическая? Возможно ли перевести считающийся суггестивным язык Хайдеггера на язык современной философии, все более влекомой в старый фарватер объективирующего мышления? Да и стоит ли вообще прислушиваться к философу, скомпрометировавшему себя членством в НСДАП? У меня все же есть осторожная надежда, что разговор об истине удалось вывести за устоявшиеся рамки хайдеггероведения, которые в последнее время благодаря новому витку «дела Хайдеггера» сильно сместились в сторону критики «бытийно-исторического антисемитизма» (П. Травни). Последнее влечет за собой опасность философской утилизации хайдеггеровской философии, предупреждавшей о забвении бытия и деградации европейского человечества.

Сделанный в статье акцент на эзотерическом мышлении о бытии свидетельствует об уверенности автора в том, что «реабилитация» Хайдеггера и его философии в публичном пространстве — совсем не то, к чему необходимо прилагать какие-то специальные усилия. Мне чужд пафос утверждений, что «casus Heidegger» не только философски общезначим, но и императивен. Наоборот, здесь следует руководствоваться представлением о действенном знании, которое получает философское обоснование в аксиологии Макса Шелера и может быть реализовано, прежде всего, в области образования. В любом случае речь идет о малых группах, предполагающих инклюзию посвященных (конечно, не в мистериальном или церковном смысле) и эксклюзию непонимающих. Двенадцатая пифагорейская акуσμα гласит: «О пифагорейских вещах без света не говори» (DK. 58 C 6). Свет позволяет выявить причастных к разговору: поскольку пифагорейское знание было эзотерическим, пифагорейцы не могли себе позволить рассказывать свое учение всем подряд, а значит, им нужно было знать, с кем они говорят. Светом масляной лампы высвечивается ограниченный круг общения, и непифагорейцы в нем просто не подразумеваются.

В «Седьмом письме» Платона есть такое место (340c1–341a10), где он показывает, как отличить тех среди учеников, кто действительно способен к философии. Надо им рассказать, что путь к мудрости — труднейший, что ее почти невозможно достичь и что на пути ждет очень много работы, и тогда те, кто не способен, решат, что это для них трудно и начнут думать, как уклониться; те же, кто действительно

любит философию, собравшись с силами, скажут: о, какой восторг, давайте прямо сейчас и начнем! Платон досконально описывает структуру водительства внутри философии как эзотерического знания (Платон, Кондратьев, 1994: 492):

Так вот таким людям надо показать, что из себя представляет философия в целом, какие сложности она с собой несет и какой требует затраты труда. И такой человек, если он подлинно философ, достойный этого имени и одаренный от бога, услышав это, считает, что слышит об удивительной открывающейся перед ним дороге и что теперь ему нужно напрячь все силы, а если он не будет так делать, то не к чему и жить. После этого, сам собравшись с силами, он побуждает и того, кто его ведет, и не отпускает до тех пор, пока либо во всем не дойдет до конца, либо не получит способность один, без вожакого нащупать правильный путь. Таким образом и с такими мыслями живет такой человек. Какими бы делами он ни занимался, он продолжает их делать, но вместе с тем твердо держится философии. Его каждодневный образ жизни таков, что делает его в высшей степени восприимчивым, внимательным и способным мыслить и рассуждать: он ведет умеренную, трезвую жизнь, жизнь же противоположную этой он навсегда возненавидит. Те же, кого не назовешь подлинными философами, имеют лишь налет кажущегося знания, как люди, кожа которых покрыта загаром. Увидав, сколь велико должно быть познание, как огромен труд, каким размерным должен быть образ жизни и каким высоконравственным, они, решив, что это трудно и для них невозможно, оказываются неспособными ревностно заниматься философией, некоторые же убеждают самих себя, что они уже довольно наслушались и впредь им вообще нет никакой нужды в философских занятиях.

В этом смысле эзотерическая ориентация хайдеггеровской философии не нова. В чем его инициатива? В том, что он дает толчок к действию и учреждает действенное знание из духа «другого начала», понимаемого как «стояние в просвете бытия». «Не волнуйся и молчи» — таков девиз Хайдеггера, который, приближаясь к возрасту платоновского философа, явственно осознал необходимость «наконец-то всерьез отнестись к философии», перестав заниматься поставкой «интеллектуальной пищи» своим современникам. Действительностью знания, *episteme*, измеряется его ценность с первых шагов греческой науки вплоть до современных методов оценки научной эффективности. Вместе с тем в русле рационалистической европейской традиции лежит мысль о том, что знание неразрывно сопряжено со свободой, а степень действительности (энергии) знания прямо пропорциональна степени покоя созерцания. Поэтому в качестве единственного серьезного «импакт-фактора», то есть

отвечающего основоустройству европейских институтов образования и науки на всем протяжении их существования, может рассматриваться только подчеркиваемая Хайдеггером способность «пробудить ясность относительно существенных решений».

Под пониманием понимающих разумеется ключевой герменевтический опыт, определяющий человеческое бытие с его открытостью миру. Это не исключает «пределной ответственности», необходимости «держат ответ перед людьми и богами за свою мысль, слово и дело»: философия действительно всегда требовала такой ответственности, но строго отличала ее как от ответственности социальной, так и от профессионального долга. Критик научно-технической цивилизации Ханс Йонас показал, что принцип ответственности сосуществует с другими этическими системами. Так, выбор ученого, который отказывается выполнить свою общественную функцию в случае отсутствия полной уверенности в безопасности результатов эксперимента, является моральным выбором и вписывается в этику ответственности. Философ, как и ученый, не только теоретизирует, но и оказывается в ситуации поливалентного выбора, поскольку несет ответственность перед будущим. Например, он отказывается содействовать масштабной цифровизации образования и выступает против абсолютизации наукометрических показателей. Такой пример показывал В. В. Миронов, предупреждавший в своей последней статье (2019) об опасности возвращения в «цифровую пещеру Платона».

Не сердечность, а сплошную бессердечность усматривают ученые в условиях и итогах конкурсов РФФИ. Не молчание, а громкий пиар, публичность и громкая реклама полученных научных достижений сопровождает современную научную деятельность. В этом смысле притязания на научные истины сегодня формулируются отдельно от констант опыта жизни,

— констатирует А. Ю. Антоновский и тем самым дает основания усомниться в хайдеггеровском пессимизме относительно будущего науки, которая «не мыслит». Так ли далеко научное вопрошание от «философского благочестия мысли»? Насколько сохраняется шанс у ученых и инженеров в отношении постановки исследовательских задач и технических решений выйти из-под настойчивой опеки государства и бизнеса? Как уйти, наконец, от разорванности на отдельные ситуации и вернуться на траекторию движения к самому себе?

Я согласен с мыслью А. В. Ахутина о том, что в эзотерической мистике мысль утрачивает философскую ответственность — готовность

держат ответ перед другими. Поэтому я предпочитаю использовать именно понятие «эзотерический», тем более что духовная история XX века знает целый ряд других примеров, помимо «теософии» и «оккультизма». Это и во многих отношениях парадигматическая для немецкой интеллектуальной культуры деятельность «круга Георга», и «эзотеризм» Лео Штрауса как идеологическая основа американского неоконсерватизма, и, наконец, открытие «неписаного учения» Платона тюрингенскими филологами-классиками Х.-Й. Кремером и К. Гайзером.

Тем более я осторожно использую понятия «мистика», «мистический». Опять-таки XX век в философии и религиоведении, не говоря уже о художественной литературе, предложил множество трактовок мистического. Феноменолог религии Р. Отто говорит о «нуминозном объекте» *mysterium tremendum*. Отсылки к мистическому встречаются у Витгенштейна и Хайдеггера, но они делаются в разных контекстах и сильно различаются по своей интенции (ср. Никоненко, 2020: 238). Мистическое в случае Витгенштейна означает чувство мира как целого (TLP § 6.44–6.45). Молчание является способом избежать бессмыслицы при попытке говорить о том, что невозможно *deutsch und deutlich* высказать в языке. Поздний Хайдеггер близок традиции немецкой мистики с ее ключевым понятием «отрешенность», о чем свидетельствует небольшой, но важный трактат под названием «*Gelassenheit*». Указывая на трансформативный эффект мышления, я считаю возможным сказать об «инкорпорировании элементов мистического опыта», однако на этом сближение и заканчивается. С. А. Коначева пишет (Коначева, 2020: 65):

Философская мистика и хайдеггеровская философия обнаруживают существенные различия в попытках осмысления парадоксального единства имманентного и трансцендентного, временного и вечного. Мистика решает этот парадокс через интеграцию временного бытия в вечное. Хайдеггер — через интеграцию вечного во временное.

Именно это введение вечного во временное, судя по всему, и дает повод А. Ю. Антоновскому усомниться в наличии темпорального измерения в характеристиках истины-алетейи.

Однако благодаря комментариям П. С. Куслия о *common ground* как раз становится возможным снизить градус обвинений в желании «противопоставить себя *das Man*» или «укрыться в молчаливом эзотерическом единомыслии со своими». Сопоставление идей М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна, которое в разное время проводилось К.-О. Апелем, Е. В. Борисовым и другими философами, несмотря на плодотворность

компаративистской стратегии, не позволяет внести ясность в обсуждаемые в дискуссии вопросы. Мне представляется, что это удалось П. С. Куслию, обратившемуся к лингвистической прагматике. Попытка эксплицировать некоторые из следствий хайдеггеровского понимания истины как непотаенности в терминах формальной теории речевого общения может способствовать не только «наведению мостов между уникальной концепцией Хайдеггера и современной аналитической философией», но и преодолению разрыва между континентальной и англосаксонской традициями философствования, а актуальность этой задачи ощущается в последнее время все более остро. «Тезис о гипотетических „лодах будущего“ как множестве одиночеств в общем и целом совпадает с важным постулатом коммуникативной теории о том, что непрозрачность мышления есть базовая предпосылка и триггер коммуникации», — пишет А. Ю. Антоновский, подтверждая верность этой догадки.

СОКРАЩЕНИЯ

DK Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels : In 3 Bde. / hrsg. von W. Kranz. — Wiedmann : Zürich, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

- Коначева С. А.* Философская мистика как трансформативная философия : Мартин Хайдеггер и Владимир Лосский // М. Хайдеггер и русская философская мысль / под ред. Ю. М. Романенко. — СПб. : Изд-во РХГА, 2020. — С. 34–67.
- Михайловский А. В.* Начало «Черных тетрадей» : зотерическая инициатива Мартина Хайдеггера // Социологическое обозрение. — 2018. — Т. 17, № 2. — С. 62–86.
- Никоенко С. В.* Хайдеггер в пространстве аналитической философии : Pro et Contra // М. Хайдеггер и русская философская мысль / под ред. Ю. М. Романенко. — СПб. : Изд-во РХГА, 2020. — С. 215–253.
- Платон.* Письма / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1994. — С. 460–525.

Mikhailovsky, A. V. 2022. "Vokrug maslyanoy lampy. Otvet na repliki [Around the Oil Lamp. My Response to Remarks]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 6 (1), 330–336.

ALEXANDER MIKHAILOVSKY
PHD IN PHILOSOPHY; ASSOCIATE PROFESSOR
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);
ORCID: 0000-0001-9687-114X

AROUND THE OIL LAMP. MY RESPONSE TO REMARKS

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-330-336.

REFERENCES

- Konacheva, S. A. 2020. "Filosofskaya mistika kak transformativnaya filosofiya [Philosophical Mysticism as Transformative Philosophy]: Martin Khaydegger i Vladimir Losskiy" [in Russian]. In Romanenko 2020, 34–67.
- Kranz, W., ed. 2004. *Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels* [in Ancient Greek and German]. 3 vols. Wiedmann: Zürich.
- Mikhaylovskiy, A. V. 2018. "Nachalo 'Chernykh tetradey' [The Beginning of the 'Black Notebooks']: zotericheskaya initsiativa Martina Khaydeggera [The Esoteric Initiative of Martin Heidegger]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [*Sociological Review*] 17 (2): 62–86.
- Nikonenko, S. V. 2020. "Khaydegger v prostranstve analiticheskoy filosofii [Heidegger in the Space of Analytical Philosophy]: Pro et Contra" [in Russian]. In Romanenko 2020, 215–253.
- Platon [Plato]. 1994. *Pis'ma [Epistolae]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sobraniye sochineniy* [*Collected Works*], ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, trans. from the Ancient Greek by S. P. Kondrat'yev, 460–525. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.